

Как видим, касаясь этой деликатной темы, в песне отец семейства не стал объектом мщения со стороны сына. Хотя нередко были случаи, когда сын убивал отца, узнав, что тот сожительствовавал с его женой [1].

В пореформенный период, отношение к снохачеству меняется. Официальная власть, данные факты относилась к разряду уголовных преступлений, о чем свидетельствуют уголовные дела, хранящиеся в ГАКК [7, с. 63].

Волостные суды (дореформенные) ограничивались материальным взысканием с «виновника», считая это достаточным наказанием. Так, по приговору суда, сын имел право требовать от отца своей доли наследства [1]. Такова была компенсация за моральный ущерб, нанесенный отцом родному сыну.

Несмотря на распространение в большом временном промежутке института снохачества, было бы неверно утверждать, что это являлось традиционной формой семейного быта казачества, их культурной особенностью. Очевидно, что корни заложены в наследственной патологии, которая в объективных условиях быта трансформировалась в инцест.

Примечания:

1. Приклонский И. И. Проституция и ее организация. Исторический очерк. М., 1903 г. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003716066/viewer/?page=7 (дата обращения 18.03. 2020 г.)
2. Максимов М.В. Сибирь и каторга: части II – IV // Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т.2. – 640 с.
3. Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. – М., 1877. – 259 с.
4. Мутиева О. С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX-начале XX в.в. (2-е переработанное и дополненное издание). – Махачкала, 2015. – 162с.
5. Гребенец Ф.С. Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44. – Тифлис, 1915. – С. 77–116.
6. Культура и традиции терских казаков / Составители: В.В Олейник, Никишин И.И. Минеральные Воды, 1997. – 86 с.
7. Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX вв.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Монография. – Армавир, 2012. – 236 с.
8. Мануйлов А.Н. Статус женщины в обычно-правовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина 19–20-е годы). – Армавир, Краснодар, 1998. – 66 с.
9. Безгин В.Б. Добрачные и внебрачные отношения в крестьянской среде второй половины XIX века: от мужских и женских к гендерным исследованиям. / Материалы Международной научной конференции. / Отв. ред.: П.П. Щербинин. – Тамбов, 2001. – С. 92–94.
10. Полевой материал автора. Записано в селах Кизлярского района у группы женщин. 2008 г.

**М.В. Нечитайлов (г. Ставрополь),
К.В. Скиба (г. Армавир)**

**«ОН БЫЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ НАЕЗДНИКОМ И СЛЫЛ
ДАЖЕ МЕЖДУ ЛИНЕЙНЫМИ КАЗАКАМИ ОТМЕННЫМ ДЖИГИТОМ»:
КОМАНДИР 1-го ЛАБИНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА
МАЙОР АЛЬБЕРТ ИЕДЛИНСКИЙ**

Роберт Васмунд, Феликс Круковский, Адам Войцицкий, Альберт Иедлинский, Михаил Канивальский, Григорий фон Засс, Петр Волков, Султан Казы-Гирей, Александр Фитингоф и многие другие фамилии. Что их объединяет? Все они, в свое время, успешно командовали различными полками Кавказского линейного казачьего войска. И, надо сказать, что «отцами-командирами» для линейных казаков были, как правило, именно выходцы из неказачьей среды, армейские кавалерийские офицеры.

Генерал-лейтенант Альберт Артурович Иедлинский, которого «буквально знал весь Кавказ», родился 25 мая 1813 года в Австрии и был сыном «небогатого галицийского помещика римско-католического вероисповедания» [1]. Воспитывался в Академии Марии-Терезии в Вене, затем поступил в австрийскую армию, где к 32 годам дослужился лишь до второго офицерского чина – обер-лейтенанта. «Очевидно, – предполагал биограф военачальника В. Марков, – мирная обстановка казарменной жизни мало удовлетворяла его, и он, прослышав про беспрерывные военные

действия на Кавказе и многочисленные подвиги русских войск, слава о которых прогремела тогда и за пределами России, решил перейти на русскую службу в кавказской армии, что ему и удалось...» [2, с. 204].

Итак, 7 мая 1845 г. «уволенный из Императорской Австрийской службы Обер-Лейтенант Иедлинский» был определен на российскую службу «по Кавалерии, Поручиком, с состоянием при Отдельном Кавказском Корпусе» [3]. На тот момент А. Иедлинский уже состоял при кавказском наместнике графе М.С. Воронцове. Такому удачному «обустройству» способствовал тот факт, что Иедлинский на самом деле был незаконным сыном графа Артура Потоцкого, женатого на Софье Браницкой, сестре супруги наместника, графини Е.К. Воронцовой (урожденной Браницкой).

По другой версии, Иедлинский был незаконным сыном графа Владислава Браницкого, «брата Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, он бросил службу в Австрии, где в Венгерском гусарском полку был известен, как замечательный ездок (скакавший на пари на четырех сменных лошадях с лишком сто верст сряду), и перешел в русскую службу...» [4, с. 375].

Именно родство с Воронцовым, не считая, разумеется, личных качеств самого Иедлинского, объясняет во многом успех (и, самое главное, непрерывность) его кавказской карьеры, невзирая на его откровенные и постоянные словесные издевки, которые он производил над своими коллегами и начальством. А.Л. Зиссерман считал, что Альберт Артурович именно по родству «пользовался покровительством князя и княгини Воронцовых», как и «вообще расположением многих высших лиц, как человек остроумный, образованный, приятный собеседник и вообще хороший» [5, с. 419-420].

Свою военную службу на Кавказе Иедлинский начал с печально знаменитой Даргинской экспедиции 1845 года [6, с. 434, 464, 495].

Граф К.К. Бенкендорф вспоминал эпизод из начала похода: «г-н Едлинский, бывший австрийский офицер», «получил поручение от генерала Безобразова съездить в главную квартиру с сообщением, что мост завершен и что другие работы будут закончены к рассвету, несмотря на дождь».

Учитывая трудности пути (к тому же была ночь, и дождь не прекращался), «бедолага» Иедлинский не слишком обрадовался поручению. «Если я встречу неприятеля, – говорил он – который, вероятно, рыскает кругом лагеря, мне все равно; но мне не понравится быть убитыми нашими!»

Колюбакин стал доказывать ему, что это совершенно одно и то же. «Вовсе нет, – заметил Едлинский, – ибо если со мной случится последнее, и об этом узнают в Вене, то будут смеяться не только надо мною, но также над моим братом, а у него жена и дети, и я буду весьма огорчен» [7, р. 25–26].

Прапорщик Гейман встретился с Иедлинским уже по завершении Даргинской экспедиции: «Иедлинский, кажется, говорил на 8-ми языках; впоследствии мы часто встречались в походах и всегда были хорошими приятелями. Адальберт Артурович был бравый кавалерист; в беседе за стаканом был незаменим: бездна юмора всегда оживляла все общество» [8, с. 345-346]. Несложно убедиться, что уже в начале своей кавказской службы Иедлинский был верен принципам своего характера, который вскоре стал хорошо известен по целому ряду анекдотов с его участием.

Карьера Адальберта Артуровича Иедлинского (именно так он именовался в официальных документах) развивалась довольно быстро. В 1845 году за Даргинскую экспедицию он получил орден Св. Анны 3-й степени с бантом, а 4 октября 1846 г., «за отличие в делах против горцев», был произведен в штабс-ротмистры (со старшинством от 28 января того же года) «с составлением по Кавалерии и при Отдельном Кавказском Корпусе».

В 1847 г. Иедлинскому был присвоен чин ротмистра (со старшинством с 4 мая 1847 г.), в 1848 г. он получает орден Св. Владимира 4-й степени с бантом, затем чин майора (с 16 июня 1849 г.), орден Св. Анны 2-й степени (1850 г.), чины подполковника (с 19 сентября 1851 г.) и полковника (13 октября 1858 г., «за отличие в делах против горцев», со старшинством с 20 октября 1857 г.) [9].

Как опытный кавалерист, в 1846 г. А.А. Иедлинский был прикомандирован к Моздокскому линейному казачьему полку, и с этого времени его служба стала надолго связана с Кавказским линейным войском.

Став штаб-офицером, он последовательно командовал 1-м Лабинским (с 4 мая 1850 г.), Моздокским (с 1851 г.) и 1-м Сунженским (с 1858 по 1860 гг.) линейными казачьими полками и, одновременно с тем, – 8-й (с 1851 г.), а затем 9-й двухполковыми казачьими бригадами (с 1858 по 1860 гг.) Кавказского линейного войска [10, с. 163].

О назначении Иедлинского командиром 1-го Лабинского полка, биограф военачальника В. Марков, писал, что такой факт «свидетельствует даже и для того времени о далеко незаурядном явлении: выделиться среди такой храброй школы, каковой был тогда Кавказ, так скоро заслужить к себе доверие получением в командование целого полка, как хотите, а для этого нужно было проявить действительно боевые заслуги, в особенности для иностранца, приехавшего 5 лет тому назад в совершенно чуждый для него край, без знания языка, и действовавшего в совершенно незнакомой для него обстановке» [11, с. 204].

Как мы уже сказали, А. Иедлинский, был «в высшей степени оригинальный человек», который за годы своей карьеры на Кавказе сумел себя поставить таким образом, что его «считали все дураком, только умным и опасным». Но «этот дурак никому не спускал», «умел острить умно, и если на кого обрушивался его острый, как бритва, язык тому приходилось плохо. Уж высмеет, так что даже иногда больно становилось за пострадавшего» [12, с. 82, 85-86]. «Это был неистощимый мешок остроумия и каламбуров, пользовавшийся, однако, почти всеобщим расположением, – признавал А.Л. Зиссерман. – Да и заслужил он этого как человек благородных правил и добросовестно относившийся к своим обязанностям; главный недостаток его была лень и какая-то безалаберность, что-то напоминающее немецкого студента-бурша. Вечно без денег, раздающий направо и налево все, что у него есть, пьющий водку с водою, весь в руках своей прислуги, Иедлинский оставил по себе надолго память своими бесчисленными, часто чрезвычайно едкими и меткими остроумиями» [13, с. 413-414].

Сохранилось немало анекдотов с участием А.Иедлинского, но его самая известная «выходка» произошла в 1850 году на Правом фланге, на Лабинской кордонной Линии, где майор Иедлинский командовал 1-м Лабинским казачьим полком. По рассказам нескольких современников и участников тех событий, ее подробности выглядят следующим образом.

В то время Цесаревич Александр Павлович, совершая путешествие по Кавказу, «предполагал осмотреть всю Лабинскую Линию до самого Зассовского укрепления. Едлинский, на протяжении своего кордона, с казаками вверенного ему полка конвоировал Его Императорское Высочество до первого ночлега в Темиргоевском укреплении. Жара была невыносимая и от шибкой езды под казаками пало много лошадей; кроме того, в день проезда, на кордоне Едлинского пикет с Родниковского поста из трех человек был изрублен черкесскими хищниками.

Одновременно с этим корыстолюбие и злоупотребления его вышестоящего командира, начальника всего Правого Фланга Николая Евдокимова, восстановили против него все население не только русское, но и всех мирных горцев. Евдокимов решительно протестовал против поездки великого князя по Лабе, выставляя опасность от внезапного нападения неприятеля. Узнав в Темиргоевском укреплении, что в верховьях Лабы все население готовится подать против него прошения и жалобы Великому Князю, он решился на ловкий и дерзкий поступок».

Ночью (или очень поздно вечером) «Евдокимов привел к великому князю Александру Павловичу двух окутанных в башлыки, заранее подготовленных лазутчиков, которые объяснили, что огромные скопища горцев на противоположном берегу Лабы намерены воспользоваться густотой утреннего тумана, чтобы напасть на незначительный конвой Государя Наследника при следовании его на другое утро.

Князь Воронцов, по-видимому, поддался этому обману и, к крайнему неудовольствию Наследника, на другой день маршрут был изменен, и мы из Темиргоя проехали прямой дорогой на Кубань в укрепление Прочный Окоп, продолжая затем по маршруту поездку в Тифлис».

Уже после отъезда Цесаревича, Едлинский взял «свой Лабинский полк да батальон пехоты с 4-мя орудиями, переправился через Лабу. Пройдя верст 10, построил свой отряд в боевой порядок, приказал произвести атаку по находящемуся пред ним лесу. Была также

и артиллерийская стрельба, выпущено было 20 снарядов, с пехотой же Едлинский ходил и в лес.

Вечером, вернувшись обратно в станицу, он, устроив угощение и кутеж своему отряду, сделал донесение начальству – начальнику Правого фланга генералу Н. Евдокимову: «Войска очень храбро дрались с неприятелем, полагаю наградить некоторых офицеров, потери – 6 лошадей (это были лошади, павшие под казаками во время конвоирования Цесаревича – Авт.); полагаю также прислать и по три солдатских Георгия на роту и на сотню. Все войска оказывали чудеса храбрости».

«Первое время все прошло благополучно; рапорт Едлинского подтверждал донесение Евдокимова о большом неприятельском сборе, деньги на новых лошадей были получены, розданы казакам и все успокоилось, как вдруг, около года спустя, получается донос от прапорщика Ставропольского пехотного полка К., отъявленного и известного негодяя, который с подробностью объясняет настоящее положение дела.

Случай был довольно важен, чтобы назначить особую комиссию для расследования, под председательством жандармского штаб-офицера полковника Никанора Юрьева из Ставрополя. Евдокимов первый восстал против Едлинского, требуя строгого примера и, казалось, сему последнему не было уже возможности избегнуть суда».

Что же сделал Едлинский? «Перед самым прибытием Юрьева, он собрал своих казаков, объяснил им, в чем дело и строго приказал говорить следователю всю правду, ни в чем не скрывая его обмана и ложного донесения начальству. Затем, спокойно продолжая по обыкновению пить водку, он ожидал следствия. Юрьев, хорошо знакомый Едлинскому, предложил ему 22 запросных пункта по начавшемуся следствию.

В первом же пункте сказано было: «Какую партию такого-то числа ваше высокоблагородие сочли нужным атаковать на левом берегу Лабы?» Ответ был удивительный и вполне подходил к Едлинскому, который «преехидно ответил: «О-то – это та самая партия, которая, по точным сведениям, полученным в штабе, воспрепятствовала следованию особы по району, занимаемому вверенным мне полком»

Свой ответ он отнес Юрьеву и спросил, продолжать ли ему писать ответы на остальные вопросы. «Голубой штаб-офицер», как Едлинский звал Юрьева, до того был поражен этим дерзким ответом, что немедленно выехал посоветоваться с Евдокимовым в Прочный Окоп. В конечном итоге, «следствие по этому делу более не возобновлялось», а наказание Едлинского «ограничилось переводом с Правого на Левый фланг полковым же командиром» Моздокского казачьего полка [14].

Правда сохранился и другой взгляд на эту «выходку», написанный сторонником Н. Евдокимова – он обвинял Едлинского в том, что тот «безмерно кутил, упражнялся в известном всем его бесстыдном и пошлом красноречии... и, надеясь на покровительство князя Воронцова, развил свои выходки до того, что предпринял движение за Лабу, с орудийной пальбой, будто бы против того самого сборища горцев, скрывавшегося, по его словам, в ближайшем лесу, но которого, однако, из отряда никто не видал и которое намеревалось сделать нападение на проезжавшего пред этим по Кубани наследника Цесаревича (покойного императора Александра II).

Все это Едлинский сделал злонамеренно для того, чтобы обнаружить, будто командовавший войсками генерал Заводовский и начальник Правого фланга генерал Евдокимов обманули цесаревича, доложив ему, что сборище горцев намерено сделать на него нападение... вследствие чего поездка по Лабам была отменена, а направлена по Кубани.

Но Едлинский не знал одного, что это известие не было выдуманно Заводовским или Евдокимовым, а сообщено с Черноморской кордонной Линии генералом Рашпилем и что сборище горцев было, действительно, в готовности сделать нападение, но, узнав, о поездке его высочества по Кубани – разошлось по домам... За эту дерзкую выходку Едлинского князь Воронцов... приказом по армии предписал арестовать Едлинского и выдержать на гауптвахте в крепости Усть-Лабинской один месяц» [15, с. 69].

Но, как бы там ни было, покинув Лабинскую Линию в 1851 году, А. Едлинский, которого «казаки чрезвычайно любили», остался для них героем песни «Круты горы и ущелья»:

Вспомним, братцы, про былое,
 Как мы жили без воды,
 Трое суток мы стояли
 В ожидании войны.
 Загремит слава трубой,
 Как дралися за Лабой,
 По горам твоим, Кавказ,
 Прогремит слава о нас!
 Удалой наш Едлинский
 Повел наш отряд
 К темному лесу, за Лабой,
 Горцев дерзких разогнать...» [14].

Не менее оригинальным, как его словесные остроты начальству, были «кавказский» образ жизни А. Иедлинского и его «кавказская» внешность.

Князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, который был «чрезвычайно близок и дружен» с Иедлинским, так описывал жилище своего товарища: «Едлинский жил замечательно просто. Я помню его помещение в станицах, где часто, даже зимой, были разбиты окна в хате. Он в полушубке, всегда с папахой на голове, валялся на разломанной койке, в углу комнаты лежали кули с овсом и запас луку; стоял разломанный самовар, несколько стаканов и всегдашний запас водки и рому, составлявший все его хозяйство. Зато лошадь и оружие Едлинского были отличные: он был замечательным наездником и слыл даже между линейными казаками отменным джигитом.

Деятельность Едлинского была неимоверна; по ночам, проверяя кордоны свои, он про-скакивал большие пространства и являлся там, где его менее всего ожидали. Он обыкновенно строго наказывал казаков за оплошность и неисправность, и когда с некоторых начальников князем Воронцовым было взыскано за телесные наказания нижних чинов, имеющих Георгиевские кресты, то Едлинский стал с собою возить хлороформ и, нахлороформировав провинившегося кавалера, только тогда велел его пороть. При управлении полком он не признавал никаких канцелярских порядков. Как полковой командир и председатель полкового управления, разбирая раз какое-то дело в присутствии, он соскочил со своего места и хотел ударить казака; секретарь остановил его, указывая на «зерцало» [16] и на последствия которым подвергся бы Едлинский, в случае жалобы кляузного казака. Едлинский поблагодарил секретаря и сейчас же велел вестовому подать башлык, обвязать зеркало, «чтобы птица не видала, как он говорил», учинил свою кулачную расправу, затем велел раскрыть птицу и сев на председательское место, продолжал свое дело.

Раз также, придя неожиданно в полковое правление, он застал всех членов оно-го (обыкновенно простых казаков) пьющих водку и закусывающих на столе присутствия перед тем же зеркалом. Едлинский немедленно потребовал команду и приказал перенести стол с зеркалом в ближайший трактир, а из трактира перенести в полковое правление биллиард, на который поставил водку, закуску и напился вместе с казаками. Все это сходило Едлинскому так как его очень любили и никто не думал доводить о его выходках до начальства».

Описав различные «фарсы», которые Иедлинский проделывал со своими подчиненными, А. Дондуков-Корсаков отметил, что «можно было бы написать целую книгу анекдотов об Едлинском, но сказанного достаточно, чтобы обрисовать эту находчивую, остроумную и вполне оригинальную личность. Жаль только, что Едлинский до того привык пить водку, никогда впрочем не упиваясь, что всегда с собой в кармане носил скляночку разведенного на воде спирта и каждые полчаса, а иногда и чаще глотал свое «аракапсы», как он называл по-черкесски водку» [17, с. 7-9].

Как известно, командный состав кавказских казачьих полков никогда не отличался строгим соблюдением правил ношения форменной одежды, но Иедлинский в этом отношении тоже был впереди всех.

«В отряде все ходили неряшливо, а Едлинский превосходил всех. У него была папаха, но от походов, от дыма она стала неопределенного цвета, и если бы не знали по фамилии этого офицера,

то многие могли бы принимать его за что угодно, а только не за офицера. Едлинский по делам службы должен зайти к Нестерову, но ординарец загородил дорогу прикладом и кричит:

– Куда ты лезешь, татарская морда!

Тот, не говоря ни слова, поворачивается назад и уходит. Только Нестеров видит эту сцену и кричит: «Едлинский, Едлинский! Куда вы, вернитесь назад!». Обращаясь к ординарцу говорит: «А ты, что же не разглядел офицера!?»

– Да, он не виноват, – говорит Едлинский, – его шуба моя ввела в заблуждение, он не мэ-нэ бил, а шубу» [18, с. 80].

Другое подобное происшествие случилось с Иедлинским еще в 1846 году, во время экспедиции в Чечню: «Поводом к началу рассказов послужило приключение накануне, когда он, изрядно нагружившись у князя жженкой, ночью возвращался к себе на бивуак, но сбился с дороги и внезапно провалился в глубокую яму. Ошеломленный падением, он стал кричать, и к нему на помощь подоспел случайно проходивший тенгинец.

Солдат за руки вытянул его из темной ямы, но, увидав черкеску, измятую папаху, растрепанный вид есаула, при блестящем свете костра, страшное его оружие, он впал в сомнение; когда же услышал на ломанном русском языке объяснение Иедлинского, то окончательно проникся убеждением, что пойманный им в яме не кто иной, как враг-чеченец.

Никакими божбами и клятвами злополучный есаул не сумел разуверить верного слугу отечества: тенгинец бесцеремонно схватил его за шиворот и приволок в караул к ставке начальника отряда. «Не пущу, – грозно твердил он дорогой, – там ты разберут!». Фрейтаг, еще не успевший заснуть после возвращения от того же Барятинского, услышал шум, вступился и вырчил мнимого абрека» [19, с. 375].

В 1856 г. в Пятигорске министр М.Н. Муравьев встретил «на бульваре господина в черкесском костюме, безо всяких признаков офицерского чина, но с Анной на шее.

– Вы русский офицер? спрашивает он неизвестного.

– Да, русский офицер (ударения уж сами по себе вызывали смех).

– Где же вы служите?..

– Командую бригадой козачков.

– А, так вы генерал; извините, пожалуйста, я и не обратил внимание, что у вас белая папаха. (Тогда была форма во всех кавказских войсках папахи черные, а генералам – белые).

– Я не генерал, а полковник.

– Как же вы белую папаху носите?

– О то, теперь генералов узнают уже не по головам, а по ногам. (Пред тем только-что дали всем генералам красные панталоны)...

Господин в черкесском костюме был наш милейший, всем известный Алберт Артурович Иедлинский...», который гулял по бульвару, будучи «одет в невообразимо грязную и рваную черкеску, само собой разумеется без эполет, совершенно неопределенного цвета, но конечно, газыри на черкеске, а особенно оружие, на нем были верхом щегольства и богатства» [20].

В заключении мы скажем, что должность командира сунженских казаков и командира 9-й казачьей бригады А. Иедлинский занимал до 1860 г.

После оставления службы в Кавказском линейном казачьем войске, он, сменив несколько должностей, дослужился до чина генерал-лейтенанта по армейской кавалерии, в который был произведен 1 января 1878 г. (продолжая при этом числиться при 1-м Сунженском полку Терского войска), но уже 6 июля 1878 г. скоропостижно скончался в Варшаве [21].

Примечания:

1. Свое католическое вероисповедание А.А. Иедлинский сохранял и в России, в православие не переходил (Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008. С. 105).

2. Марков В. Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский (из далекого прошлого Кавказа) // Русская старина. 1911. Т. 145. № 1.

3. Высочайший приказ от 7 мая 1845 года.

4. Воспоминания В.А. Полторацкого // Исторический вестник. 1893. Т. 51. № 2.

5. Зиссерман А.Л. 25 лет на Кавказе (1842–1867). Ч. II. СПб., 1879.

6. Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 434, 464, 495.

7. Benckendorff C., de. Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de l'année 1845. Paris, 1858. Военный историк Б.М. Колобакин, издатель перевода мемуаров Бенкендорфа, добавил от себя о участии Иедлинского в кампании 1845 г. – «тогда еще австрийской службы, здесь ранен, известный впоследствии на Кавказе остряк и каламбурист» (Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб., 2001. С. 222).
8. 1845 год. Воспоминания В.А. Геймана // Кавказский сборник. Т. III. Тифлис, 1879.
9. Высочайшие приказы от 4 октября 1846 г. и 13 октября 1858 г.; Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 26 Мая. СПб., 1855. С. 149; Список полковникам по старшинству. Исправлено по 13-е Марта. СПб., 1861. С. 445. Кроме того в 1857 г. Иедлинский получил также Императорскую корону на орден Св. Анны 2-й степени, а в 1860 г. – бриллиантовый перстень с вензелем имени Его Величества.
10. Русский биографический словарь. Т. 8. Ибак – Ключарев. СПб., 1897.
11. Марков В. Указ. соч. С.204.
12. Венеровский С.А. Мемуары и воспоминания генерала-от-кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб., 1908.
13. Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.413-414.
14. Бессмертный. Генерал А.А. Иедлинский // Русский архив. 1911. № 4. С. 527–528 (пересказ воспоминаний старого кавказца, отставного полковника Д.О. Аглинцева); Венеровский С.А. Указ. соч. С. 83; Зиссерман А.Л. Указ. соч. С. 414–420; Из воспоминаний князя А. М. Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Книга седьмая. СПб., 1904. С.10-13.
15. Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники: Н.Н. Муравьев, князь А.И. Барятинский, граф Н.И. Евдокимов. 1854–1864. М., 2007.
16. «Еще со времен Петра I в присутственных местах стояло зеркало – трехгранная стеклянная призма с орлом, где размещались указы по мере их значимости и времени поступления. Зерцало – это был как бы символ высшей власти».
17. Из воспоминаний князя А. М. Дондукова-Корсакова... С.7-9.
18. Венеровский С.А. Мемуары... С. 80.
19. Воспоминания В.А. Полторацкого... С. 375.
20. Бессмертный. Генерал А.А. Иедлинский... С. 527; Зиссерман А.Л. 25 лет на Кавказе... С. 413.
21. Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е Июля. СПб., 1878. С. 413. Другие награды Иедлинского, полученные им в конце своей карьеры: орден Св. Станислава 1-й степени (1865); орден Св. Анны 1-й степени (1869) и императорская корона к нему (1871); ордена Св. Владимира 2-й степени и персидский орден Льва и Солнца 1-й степени (1874). Также Иедлинскому была пожалована 1001 десятина земли.

Н.Д. Николаенко
(г. Пятигорск)

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О СЛУЖБЕ ПЕТРА АПОЛЛОНОВИЧА ВОЛКОВА

Отечественные исследователи собрали большой фактический материал по истории формирования, пополнения и участия казаков Лабинского линейного казачьего полка и второй Лабинской бригады Кавказского Линейного казачьего войска в боевых операциях Кавказской войны.

Однако в этих работах содержится мало информации, которая имеет отношение к службе П.А. Волкова, до его назначения на должность командира Лабинского линейного казачьего полка и его служебной деятельности на должности командира пехотной бригады. Поэтому, автор, поставил своей целью, в рамках статьи, кратко рассмотреть, в какой воинской части и где служил П.А. Волков до своего перевода на Кавказ, в каких званиях и какие должности занимал в период своего пребывания на Северном Кавказе, какими наградами был удостоен.

Отсутствие необходимых сведений в трудах отечественных исследователей заставило автора обратиться к опубликованным документам, архивным источникам и различным справочным изданиям.

Наибольшую значимость для данной работы представили опубликованные источники. В «Высочайших приказах о чинах военных», которые размещены на сайте Российской государственной библиотеки были обнаружены приказы, имеющие непосредственное отношение к карьерному росту Петра Аполлоновича.

В Актах, собранных Кавказской археографической комиссией описывается участие П.А. Волкова в боевых действиях на территории Северного Кавказа.